

Kotigorenko V.O., a doctor of political sciences, professor, Institute of political and ethnological researches, is the name of I.F. Kuras of NAN of Ukraine (Ukraine, Kyiv), gileya.org.ua@gmail.com

Distribution of political radicalism and extremism among modern Ukrainian youth. Review on a monograph: E.O. Vasilchuk: Political radicalism and extremism in the youth environment of Ukraine / E. O. Vasilchuk. - Tcherkasy : "Pallium", 2014. - 514 с.

Котигоренко В. А., доктор политических наук, профессор, Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кура-са НАН Украины (Украина, Киев), gileya.org.ua@gmail.com

Распространение политического радикализма и экстремизма среди современной украинской молодежи. Рецензия на монографию: Е. О. Васильчук : Политический радикализм и экстремизм в молодежной среде Украины / Е. О. Васильчук. - Черкассы : "Паллиум", 2014. - 514 с.

* * *

Масаев М. В.

доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией факультета социокультурной деятельности и музыкального искусства, Крымский университет культуры, искусств и туризма (Украина, Симферополь), mikhail-masaev@yandex.ru

СПОСОБНО ЛИ ИСКУССТВО ПРЕОДОЛЕТЬ СВОЙСТВЕННЫЙ НАУКЕ ЛОГОЦЕНТРИЗМ ИЛИ ОНО ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОТЕРЯЕТ СВЯЗЬ С РЕАЛЬНОСТЬЮ, А ЕГО СИМВОЛЫ СТАНУТ СИМУЛЯКРАМИ
(рецензия на монографию: Берестовская Д. С. Очерки философии искусства / Д. С. Берестовская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 200 с.)

(рецензия друкується мовою оригіналу)

Заведующий кафедрой культурологии, заслуженный профессор Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры АРК, действительный член Европейской академии естественных наук (Германия), автор более 150 публикаций по различным проблемам культуры, Диана Сергеевна Берестовская выпустила новую книгу: «Очерки философии искусства». Каждая из её работ становится важной вехой на пути культурного освоения человеком действительности. Не стала исключением и её новая книга.

Введение начинается характеристикой современной эпохи, когда «в период жизни одного поколения произошло крушение, распад веками сложившейся культуры, основанной на книге и чтении, на коммуникациях, осуществлявшихся при помощи письменных сообщений, что давало возможность кардинального самовыражения человека» (с. 4).

Далее, отметив, что «фактором развития современности становится так называемая «экранная культура» и согласившись с замечанием философа Б. Маркова, что «если «книга учит думать», то экран – манипулировать», Д. С. Берестовская констатирует факт, что «проблемы культуры, произведения искусства, требующие проникновенного внимания, способности к глубоким размышлениям, подаются на современных экранах (компьютера, телевизора, кино и т.д.) в форме шоу, что создаёт представление о «виртуальной реальности», где господствуют симулякры». Так формируется «виртуальный человек» за экраном компьютера, становящегося «искусственным протезом теряющих способность мыслить людей» [1, с. 485].

По оценкам французского мыслителя Ж. Бодрийара, в этом мире проявляется симуляционный характер социальных и культурных феноменов – «моделей реальности», не имеющих соотношения «с реальностью, но воспринимаемых гораздо реальнее, чем сама реальность» [Цит. по: 2, с. 257].

«В этой ситуации неизмеримо возрастает значение духовно-практического освоения мира, обращение к культурным традициям, их нетленному этическому и эстетическому содержанию» (с. 4).

«Цель нашего исследования, – пишет Д. С. Берестовская, – определена его темой: анализ определённых философских концепций, получивших воплощение в творчестве «художников» – слова, цвета, звука, различных символических форм художественного освоения мира» (с. 6). В контексте концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций [5–7] показательно в данном случае мнение Э. Кассирера, который считает культуру квинтэссенцией человеческого существования и связывает её содержание с системами символов. В этом смысле символ понимается как форма самопознания человеческого духа, который имеет различные проявления: язык, миф, искусство, науку и т.д. Отсюда важнейшей функцией культуры становится информационно-коммуникативная, с помощью которой происходит сохранение и передача символов культуры от поколения к поколению, от этноса к этносу. Благодаря символам человек имеет дело уже не с реальностью, созданной его деятельностью в культуре, а с «вселенной символов». Он начинает существовать в собственном, порождённом его символическим творчеством идеальном мире. Поэтому Э. Кассирер определяет человека как «животное, творящее символы» [Цит. по: 7, с. 1–2].

«Основной, изначальной проблемой и философии, и искусства является человек. «В человеке скрыта загадка познания и загадка бытия (Н. Бердяев). Ессе homo – вот человек – может сказать о смысле своих творческих исканий и философ, и художник. Но: cuique sum – каждому своё. Философ оперирует логическими категориями, художник – образами. Раскрыть их взаимосвязи и специфику, характер понятий, философских категорий, отражающих предельно широкие, обобщённые характеристики мира, – и их воплощение в яркие, индивидуальные художественные образы различных видов и направлений искусства – цель данной работы» (с. 7). Автор сразу же оговаривается, что не претендует на полноту освещения заявленной темы, поскольку «материал, который предоставляют источники, – история философии и произведения мирового искусства, – беспределен» (с. 7).

В главе I «Философия и мир искусства» Д. С. Берестовская погружает мир философии в мир искусства. Это и эйдология Платона, неоплатонизм и идеи Платона в искусстве Серебряного века русской культуры, это и «поэтика» Аристотеля. Причём на философские рефлексии искусства древних мыслителей Д. С. Берестовская сумела взглянуть глазами и Николая Кузанского, и Марсилио Фичино, и Микеланджело, и Г. В. Ф. Гегеля, и русского религиозного философа В.Эрна, и его друга, учёного, мыслителя, философа и богослова П. А. Флоренского, и поэта и художника М. А. Волошина, и философа, поэта и публициста Вл. Соловьёва, и поэта К. Бальмонта.

На фоне понимания того, что «основной, изначальной проблемой и философии, и искусства является человек» (с. 7), Д. С. Берестовская в главе II переходит к нравственным основам в философии и искусстве.

На примере повести В. Быкова «В тумане» Д. С. Берестовская показывает, что «**туман** – это **символ** разлагающей философии насилия, разъединяющей людей взаимным непониманием, недоверием, что это следствие антигуманной реальности десятилетия, предшествовавшего Великой Отечественной войне» (с. 46).

«Великая Отечественная война – это уже история, но её итоги ощущаются и сегодня», – отмечает Д. С. Берестовская (с. 46), – и «... пуля, попавшая в советского солдата на последней войне, – пишет В. Астафьев, – всё продолжает лететь в пространстве» [3, с. 63].

Главу III, посвященную образной системе художественного произведения, Д. С. Берестовская начинает с разбора концепции «символических форм» немецкого учёного Эрнста Кассирера.

Концепция «символических форм» основана на сочетании структурного метода с генетическим: теоретический анализ осуществляется в историческом контексте, что позволяет дать цельную картину развития проблемы со всеми ее перипетиями. Подчёркивая «недостаточность общей теории познания», мыслитель доказывает необходимость ее расширения введением форм «понимания мира во всем его многообразии, для чего следует обращаться не только к объективности научного познания, но и к чистой субъективности, заключенной в сфере культуры. Это «мир символических форм», проанализированных Э. Кассирером в рамках теории «духовных форм выражения» (с. 49).

При этом Д. С. Берестовская обращает внимание на мысль Кассирера «о способности человека, создающего мир культуры, пребывать в любом пространстве и времени, выходить за пределы чувственного опыта, ограниченного конечными пространственными и временными рамками. Поставив вопрос о единстве символических форм, выдвинув идею сложной системы, мыслитель отрицал возможность простоты в оценке духовного формообразования, «простой прогрессии» в распоряжении символических форм, являющихся функциями сознания в своеобразном построении бытия» (с. 54).

После рассмотрения концепции Э. Кассирера и анализа символических образов в творчестве Данте Алигьери и И.–В. Гёте (в интерпретации А. Ф. Лосева и А. Шахова) Д. С. Берестовская переходит к «семиосфере» Ю. М. Лотмана.

У Ю. М. Лотмана Д. С. Берестовская берёт на вооружение идею об искусстве как особой моделирующей деятельности. «Искусство, считает Ю. Лотман, – особая моделирующая деятельность. Содержанием искусства является мир действительности, проходящий двойное кодирование: на язык нашего сознания, а затем – на «язык данного вида искусства». Это **саморазвивающийся феномен**, внутри которого находится человек» (с. 60).

Проанализировав концепцию известного историка живописи Макса Фридендера, Д. С. Берестовская, подтверждает свою мысль о том, что «искусство неразрывно связано с философской мыслью, т.к. «фило–софия», символизирующая «любо–мудрие», является основой

познания человека и его деятельности, в том числе и художественной, – т.е. искусства» (с. 65).

В главе IV «Философские категории «пространство» и «время» в искусстве» Д. С. Берестовская приходит к выводу, что «художественный образ имеет трёхмерную структуру, которая становится четырёхмерной благодаря диалогической обращённости произведения искусства к зрителю, читателю или слушателю, которого автор–художник призывает к сотворчеству, к своеобразному диалогу, имеющему своей целью выработку художественной информации» (с. 101).

Глава V посвящена художественному образу в музыке и киноискусстве.

«Музыка – искусство особого рода. Если живописец, скульптор, архитектор могут «подражать» природе, музыкальные звуки обладают свойствами, которых нет в природе и которые вне музыки не существуют... Музыка не столько изображение предметного мира, сколько отображение человеческих чувств, эмоций, мыслей» (с.119).

Приведя идеи о музыке как искусстве особого рода А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, считавшими музыку символом, снимком, зеркалом «мировой воли» (с. 121), а также оригинальные мысли А. Ф. Лосева о «музыке как предмете логики» (с. 121–126), слова о музыке Л. Н. Толстого, Александра Блока, П. А. Флоренского, Рихарда Вагнера, Жюль Делёза, Анри Бергсона и Эдмунда Гуссерля, Д. С. Берестовская переходит к анализу киноискусства.

Рассмотрев творчество известных итальянских режиссёров Микеланджело Антониони и Фредерико Феллини, а также кинокритиков Умберто Эко и Жюль Делёза, Д. С. Берестовская приходит к выводу: «В новом кино **образ–движение** не исчез, но изменилась его роль. Образ оптический и чисто звуковой **связывается** непосредственно с **образом–временем**, подчинившим себе движение» (с. 136).

Глава VI посвящена проблеме формы и содержания в философии и искусстве. Она подводит читателя к пониманию содержания главы VII «Синтез искусств как метод формирования художественного текста».

Краткий анализ философских воззрений мыслителей Серебряного века, касающихся проблем синтетичности (Вл. Соловьёва, В. Шмакова, А. Лосева, В. Зеньковецкого, П. Флоренского и др.), мастеров искусства (М. Волошина, К. Богаевского, С. Н. Сергеева–Ценского и др.) дал Д. С. Берестовской возможность сделать вывод, сформулированный ещё Н. Бердяевым. По его словам, «наш культурный ренессанс произошел в предреволюционную эпоху, в атмосфере надвигающейся огромной войны и огромной революции». В то же время «русский культурный ренессанс начала века был одной из самых утончённых эпох в истории русской культуры». Размышляя о своеобразии этого периода, мыслитель свидетельствует о пробуждении самостоятельной философской мысли, религиозных исканиях, обострении «эстетической чувствительности», открытии новых источников творческой жизни, поэзии, видении «новых зорь», соединении, казалось бы, несоединимого «...чувства заката и гибели с чувством восхода и с надеждой на преображение жизни» [4, с. 140].

В целом, тема «очерки философии искусства» дала Д. С. Берестовской возможность «синтетически объе-

динить теоретический дискурс науки и образный мир искусства, аналитическую мысль и живую ткань художественного произведения» (с. 189).

В философии разошлись две диаметрально противоположные концепции, две дороги, по которым шли и идут мыслители. Существует ли третья? «Да, – отвечает Д. С. Берестовская, – Это искусство, мир художественных образов, позволяющих воссоздать реальность во всем ее многообразии» (с. 189). И «именно философия, используя специфические методы анализа и теоретического объяснения, способна раскрыть становление и развитие жизнедеятельности человека в мире природы и социума» (с. 189).

Такие задачи были поставлены автором рецензируемой книги. Как они были решены – судить читателю. Д. С. Берестовская скромно считает свою новую книгу «начальным этапом работы над заявленной темой» (с. 189).

Но этот «начальный этап» настолько богат фактами жизни искусства, настолько богат мыслями их философской рефлексии, что может представить интерес не только для преподавателей и студентов культурологического и философского направлений, но и для самого широкого круга читателей, интересующимися проблемами культуры.

Новая книга Д. С. Берестовской учит понимать язык искусства, учит правильному «чтению» произведений искусства, без чего искусство не может реализовать свой гигантский воспитательный потенциал по гуманизации социальных отношений в обществе, передаче новым поколениям высших человеческих ценностей, формированию высших духовно–нравственных качеств личности.

Поставленный нами в заголовке рецензии вопрос перед автором рецензируемой книги не стоит, Д. С. Берестовская видит опасные тенденции, но она уверена в том, что подлинное искусство не уступит ни псевдоискусству, ни переживающей кризис науке. Своей красотой искусство спасет мир.

Список использованных источников

1. Марков Б. В. Проблема человека в эпоху масс–медиа / Б. В. Марков // Перспективы человека в глобализирующемся мире: сб. / Ред. В. В. Парцвания. – СПб.: СПб. филос. о–во, 2003.
2. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / Илья Петрович Ильин. – М.: ИНИОН РАН – II TRADA, 2001. – 384 с.
3. Астафьев В. П. Посох памяти / Виктор Петрович Астафьев. – М.: Современник, 1980. – 367 с.
4. Бердяев Н. А. Самопознание / Николай Александрович Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 448 с.
5. Масаев М. В. Философия истории. Учебно–методическое пособие / М. В. Масаев / Министерство образования и науки Украины. Министерство образования и науки Автономной республики Крым. Республиканское высшее учебное заведение «Крымский гуманитарный университет». – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с.
6. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
7. Масаев Михайло Володимирович. Парадигмальні образи і символи у трансформаційних процесах епох і цивілізацій (філософсько–історичний аналіз). Автореф. дис. ... доктора філос. наук. – Дніпропетровськ, 2013. – 36 с.

References

1. Markov B.V. Problema cheloveka v jepohu mass–media / B.V. Markov // Perspektivy cheloveka v globalizirujushhemsja mire: sb. / Red. V.V. Parcvanija. – SPb.: SPb. filos. o–vo, 2003.
2. Il'in I.P. Postmodernizm. Slovar' terminov / Il'ja Petrovich

Il'in. – M.: INION RAN – II TRADA, 2001. – 384 s.

3. Astaf'ev V.P. Posoh pamjati / Viktor Petrovich Astaf'ev. – M.: Sovremennik, 1980. – 367 s.

4. Berdjaev N.A. Samopoznanie / Nikolaj Aleksandrovich Berdjaev. – M.: Kniga, 1991. – 448 s.

5. Masaev M.V. Filosofija istorii. Uchebno–metodicheskoe posobie / M.V. Masaev / Ministerstvo obrazovanija i nauki Ukrainy. Ministerstvo obrazovanija i nauki Avtonomnoj respubliki Krym. Respublikanskoe vysshee uchebnoe zavedenie «Krymskij gumanitarnyj universitet». – Simferopol': Dolja, 2008. – 304 s.

6. Masaev M.V. Curriculum vitae paradigmal'nyh obrazov i simvolov jepoh i civilizacij. Monografija / M.V. Masaev. – Simferopol': DOLJa, 2011. – 512 s.

7. Masajev Myhajlo Volodymyrovych. Paradymal'ni obrazu i symvoly u transformacijnyh procesah jepoh i cyvilizacij (filosofsko–istorichnyj analiz). Avtoref. dys. ... doktora filoz. nauk. – Dnipropetrovs'k, 2013. – 36 s.

Masaev M.V., Doctor of Philosophical Sciences, Ass. Prof., Head of Laboratory of the Faculty of Sociocultural Activity and Musical Art of Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Ukraine, Simferopol), mikhail–masaev@yandex.ru

Whether the art is able to overcome the logocentrism peculiar to science or it will lose the connection with reality finally and its symbols will become the simulacra. Review on a Monograph: Berestovskaya D.S. A Contribution to the Philosophy of Art / D.S. Berestovskaya. – Simferopol: IT «ARIAL», 2013. – 200 p.

Masaev M. V., доктор філософських наук, доцент, завідувач лабораторією факультету соціокультурної діяльності та музичного мистецтва, Кримський університет культури, мистецтва і туризму (Україна, Сімферополь), mikhail–masaev@yandex.ru

Чи здатне мистецтво подолати притаманний науці логоцентризм або воно остаточно втратить зв'язок з реальністю, а його символи стануть симулякрами. Рецензія на монографію: Берестовська Д. С. Нариси філософії мистецтва / Д. С. Берестовська. – Сімферополь: IT «ARIAL», 2013. – 200 с.

* * *

Моравец Норберт
доктор, Інститут історії Академії імені Яна Длугоша
(Ченстохова, Польща), gileya.org.ua@gmail.com

РЕЦЕНЗІЯ НА МОНОГРАФІЮ: КРИВОШЕЯ І. І. ПОЛЬСЬКІ АРИСТОКРАТИ ПОТОЦЬКІ В СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНОМУ ТА СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОМУ ЖИТТІ ПІДРОСІЙСЬКОЇ УКРАЇНИ (КІНЕЦЬ ХVІІІ – ПОЧАТОК ХХ СТОЛІТТЯ). – УМАНЬ, 2013. – 400 С.

Тема інкорпорації земель Речі Посполитої та інтеграції її еліти в суспільство імперій Романових та Габсбургів належить до тих проблем, що ще вимагають свого детального опрацювання. Поява окремих досліджень (Д. Бовуа, А. Капеллер, Т. Чубатий, Б. Міронов та ін.) радше не розв'язує існуючі, а навпаки, ставить перед історичним загальною нові завдання.

Монографія українського науковця Ігоря Кривошеї є черговою спробою пролити світло на процес інтеграції (або причин відмови від неї) польської аристократії в російське суспільство. Його робота присвячена графам Потоцьким, які володіли значними земельними маєтками на українських землях в імперський період.

У той же час, мета автора полягала не лише в тому, аби проаналізувати процес інтеграції Потоцьких в Російську імперію, а й у тому, щоб показати, як представники цього аристократичного роду реагували на цю можливість.

У вступі автор пропонує читачеві ознайомитися з історіографічною та джерельною базою і методологією дослідження Спираючись передусім на здобутки